

дываются они в действительности. Нормы поведения человека в феодальном обществе отнюдь не литературного, а конкретно-жизненного происхождения. В литературу эти идеалы поведения пришли из жизни. Этим идеалам стремятся следовать сами люди. Однако литература подчиняется им далеко не в такой мере, как жизнь. Всю свою деятельность Владимир Мономах подчинял этому идеалу. Описывая свою жизнь — свои „пути“ и „ловы“, он создавал не литературный идеал, а жизненный. Он стремился создать о себе определенную славу, молву. Это стремление он, конечно, осуществлял в жизни в гораздо большей мере, чем в своих сочинениях. Этот идеал заставлял Мономаха отказываться от киевского стола, на который его приглашали киевляне, Мстислава Удалого — добровольно проститься со своею дружиною тогда именно, когда она ему была больше всего нужна,¹ Андрея Боголюбского — первым выезжать на стычки с врагом. Следуя этим идеалам, литература обращала внимание вовсе не на все стороны деятельности князей или кого-либо другого, а лишь на некоторые моменты их деятельности, особо важные для их оценки. Зависимые авторы и летописцы стремились изобразить своего князя наиболее соответствующим идеалу княжеского поведения.

И всё же летописец умел находить способы для изображения таких положений, которые с какой-то новой стороны показывали и самый идеал, и тех, кто от него отступал. Вот ослепленного Василька Теребовльского везут в телеге в бессознательном состоянии. В городе Звиждене попадья, приняв его за мертвого, сняла с него окровавленную рубашку и постирала ее. Очнувшись, Василько сказал: „Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богомь“.² Летописец нашел, следовательно, такое нетрафаретное положение и вложил в уста князя такие необычные слова, которые с наибольшей силой передали ужас преступления князей, противников Василька.

Мы отметили выше, что в исторической литературе XI—XIII веков говорилось по преимуществу о деятельности тех слоев населения, которые влияли, по представлениям того времени, на ход исторических событий, — князей и духовенства.

Однако не только князья и духовенство из его высших слоев попадали в поле зрения книжника. Изображая борьбу князя за свою власть, летописец волей или неволей вынужден был говорить о боярах, оказывавших сопротивление своему князю. Рассказывая о стремлении юноши Феодосия к монашеской жизни, приходилось выводить и его мать — решительную, смелую, немного мужеподобную, с грубым голосом, драчливую, всегда готовую избить сына, заковать его в кандалы, только бы удержать около себя. Все эти персонажи сияют отраженным светом. Они выведены для оттенения главного героя. Но и через них в литературу также обильно проникают черты стихийного реализма.

Психологическая наблюдательность в житейской практике древней Руси достигала большой тонкости, как об этом свидетельствует, например, письмо Владимира Мономаха к Олегу Гориславичу. Самый повод, по которому оно написано, не обычен: Владимир Мономах пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, предлагая ему примирение, после того как в сражении с войсками Олега погиб его любимый сын Изяслав. Это письмо написано с большим чувством достоинства, с полным

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1214 г., стр. 53.

² Повесть временных лет, т. 1, стр. 173.